

Скончалъ. Бутылка хлопъ — въ фіалѣ зашипѣло,
 И «браво», какъ ядро изъ пушки, загремѣло...
 «Списать стихи, списать! Вотъ истинный поэтъ!
 Какъ скоро и легко! Отличнѣйшій куплетъ!»
 И вдругъ карандаши и книжки записныя
 Посыпались на столъ въ хвалу и честь витіи.
 А я... какъ думаешь? Скорѣ шляпу, трость,
 Да въ общей кутерьмѣ, какъ запоздалый гость,
 Забывши заплатить за грѣшныя котлеты,
 Которыя опять быть могутъ подогрѣты,
 Бѣжать,—да какъ бѣжать! Безъ памяти, безъ силъ.
 Нашелъ свой экипажъ, какъ бѣшеный вскочилъ.
 «Пошелъ, Оома, пошелъ! скорѣ, ради Бога!»
 Пусть тамъ о бѣглецѣ идетъ у нихъ тревога.
 Уже двѣ улицы остались позади;
 Я духъ переводилъ свободнѣе въ груди,
 И только изрѣдка, исполненный боязни,
 Погони ожидалъ, какъ будто смертной казни.
 Но всѣ несчастія, нарочно сговорясь,
 Предъ домою Трефиной меня толкнули въ грязь,
 Безъ всякой милости, съ Оомой, кабріолетомъ,
 Журналомъ дамскихъ модъ и наконецъ пакетомъ
 Матерій и платковъ mademoiselle Тру-тру.
 Какъ Вакховъ гражданинъ, проснувшись поутру,
 Невесело встаетъ съ услужливой постели,—
 Вставалъ изъ грязи я безъ плана и безъ цѣли.
 Вдругъ тонкій голосокъ воздушною струей
 Раздался надъ моею печальною головой:
 «Вы-ль это? Боже мой! какое приключенье!
 Не сдѣлалось-ли вамъ удара отъ паденья?
 Вотъ люди, соль и спиртъ — они васъ укрѣпять.
 Прошу взойти на верхъ». Я бросилъ томный взглядъ
 Въ воздушную страну, изъ коей, мнѣ казалось,
 Истекъ пріятный звукъ. И что же оказалось?
 Особа *Трефиной*, дородна и тучна,
 Какъ на морѣ подъ-часъ девятая волна,
 Стояла, на балконъ небрежно опираясь.
 Чтò было дѣлать мнѣ? Неловко извиняясь
 Въ нечаянномъ грѣхѣ, Оому и фаэтонъ
 Отправилъ я домой, а самъ, безъ оборонъ
 Отъ выдумокъ судьбы жестокой и нахальной,
 Повлекся къ лѣстницѣ парадной машинально.
 Чѣмъ встрѣтили меня — не трудно угадать.